

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ПРИЕЗЖИЕ

Рассказы и повести Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Приезжие

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Метлицкая М.

Приезжие / М. Метлицкая — «Эксмо», 2018 — (Рассказы и повести Марии Метлицкой)

«...Отец... После смерти первой жены, матери Лагутина, он очень рьяно стал устраивать новую жизнь, но неудача – жизнь еще раз дала серьезный сбой, через несколько лет он снова оказался вдовцом. Фатально не повезло. Отец и их отношения Лагутина волновали не очень – все давно поросло жухлой травой. А то, что отец стар и нездоров, так здесь совесть Лагутина была абсолютно, кристально чиста – уход за ним он обеспечил...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2018
© Эксмо, 2018

Мария Метлицкая

Приезжие

© Метлицкая М., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Звонок раздался в половине одиннадцатого. Назавтра предстоял рабочий день, и Лагутин уже собирался спать.

– Кто-кто? – переспросил он.

Слышно было ужасно. А когда услышал короткое «Нина», сразу понял: отец.

В последние годы эта самая Нина была сиделкой отца.

– Я понял, – ответил Лагутин и поспешно добавил: – Конечно! Рано утром я вылетаю.

Отец... После смерти первой жены, матери Лагутина, он очень рьяно стал устраивать новую жизнь, но неудача – жизнь еще раз дала серьезный сбой, через несколько лет он снова оказался вдовцом. Фатально не повезло.

Отец и их отношения Лагутина волновали не очень – все давно поросло жухлой травой. А то, что отец стар и нездоров, так здесь совесть Лагутина была абсолютно, кристально чиста – уход за ним он обеспечил.

Он достал из комода бутылку виски и плеснул в стакан. Одним махом выпил и плюхнулся в кресло. Глянул на часы – похороны послезавтра. Успеет? Билет, расписание – что там еще? Да, взять денег! Конечно, снять в банкомате. А сколько? Да черт его знает. Когда хоронили маму, все было не так – другая страна, другие деньги.

Он открыл Интернет и набрал в поисковой строке расписание авиабилетов на Москву. Давненько он не был в родном городе. Ох, как давно, четыре года назад. И, что самое странное, совершенно по нему не скучал.

Билет, конечно, нашелся. Стоил он ого-го, но кто думает про это в такие моменты?

После смерти матери Лагутина, примерно через полгода, отец женился и переехал в квартиру новой супруги. Лагутин так и не смог простить ему эту поспешность и именно тогда, в те страшные месяцы, перестал с ним общаться – совсем. Чуть позже он понял, что обида его была признаком юношеского максимализма и что так яростно негодовать, скорее всего, не стоило.

Спустя лет пять он восстановил отношения с отцом, но прежней любви и близости не получилось. Нет, он бывал у него дома, в новой семье. И ничего криминального там точно не было – нормальной теткой оказалась эта новая жена, вполне нормальной – молодежь, домовитой, хозяйственной, ловкой, гостеприимной. Было заметно ее волнение, когда Лагутин впервые пришел в их с отцом дом. Тогда она расстаралась – холодцы, пироги, салаты. Все вкусно, обильно, красиво. Но в рот ничего не лезло. Он смотрел на отца, наблюдая его в совершенно других декорациях, и не узнавал. Это был другой, незнакомый ему человек. А перед глазами стоял тот, *его* отец, горячо когда-то любимый. Сейчас напротив него сидел и глупо хихикал чужой, смущенный, растерянный дядька.

Квартирка, кстати, была вполне уютная и чистенькая – жена отца, Полина Сергеевна, хвалилась ремонтом:

– Все своими руками, все! Все вместе с Петенькой. – Тут она смутилась и продолжила уже не так бойко: – Обои вот... Линолеум, плитка. А шторы какие? Петенька выбирал!

От неожиданности Лагутин вздрогнул и коротко глянул на отца. Тот все понял и опустил глаза – ему тоже стало неловко. А шторы, кстати, были ужасны – оранжевое на ядовито-зеленом. Кошмар. Мама бы такие никогда не повесила.

Лагутин диву давался: никогда за отцом подобных талантов не наблюдалось – вот чудеса! «Отец – человек неприспособленный, – повторяла мать, – и к нему лучше не обращаться – дороже выйдет». Она освободила его от всех домашних дел – мечтала, чтобы он защитился: сначала кандидатская, потом докторская. Она искренне считала, что мужчина обязательно должен сделать карьеру и отвлекать его на остальные дела неправильно, поэтому взвалила все на себя – дом, сына. При этом, конечно, работала, но на привилегированном положении, на пьедестале, всегда оставался отец. При этом мать еще и сделала неплохую карьеру – довольно быстро стала начальником отдела, кстати, самым молодым в институте. Да и, честно говоря, зарабатывала больше отца.

Жили они хорошо, без скандалов, разборок, претензий. Растили сына, ездили в отпуск, ходили в театры, принимали гостей. Лагутин рос благополучным мальчиком в благополучной семье. Все было прекрасно. А потом мама заболела. Лагутину было шестнадцать. Она долго скрывала от них диагноз – берегла. Сына – понятно. Подросток, тяжелый возраст. Но мужа? Зачем? Открылась ему поздно, когда уже не давали надежды. Почти не давали надежды.

Отец страшно растерялся – и мать же его утешала, ругала себя за то, что решила сказать. Переживала страшно – за него переживала, не за себя. Таким она была человеком. Держалась до последнего и держала себя в руках – при них ни одной слезинки, ни одной. Только улыбка была у нее тогда какой-то дрожащей, что ли? Слабой, незащитной, изнеможенной, истощенной, как и она сама. И было видно, что ей страшно неловко – поставила своих любимых и близких в такое вот положение.

Лагутин запомнил ее накануне смерти – в больницу он пришел в семь вечера, мама долго и подробно расспрашивала его обо всем – что едят, как справляются с хозяйством, что в школе. Он помнил, как она беспокоилась за отца – кажется, больше, чем за сына. Или ему казалось?

Он ушел в полдевятого, когда строгая медсестра его погнала – посещения закрывались. И никакого предчувствия не было. Абсолютно. Нет, он, конечно, видел, как мать плохо выглядит, как она похудела и почти ничего не ест. Он видел, как быстро она устает. Но плохого предчувствия не было – он даже сходил в кино с другом Вовкой.

А наутро позвонили из больницы.

Он помнил, что ничего не понял: что, как? Как это – мамы нет? Нет совсем? Нет, такого не может быть. Она же только что еще была – еще вчера была! Живая, даже веселая – смеялась над его шутками, учила жарить котлеты – сначала большой огонь, чтобы схватились, а уж потом поменьше, чтобы дошли.

Они говорили даже про лето, про отпуск – да-да! Мечтали поехать к морю, как всегда. Это он завел разговор, а мама поддержала.

И вот – ее нет? Навсегда?

Он замер, стоял у окна. Сколько стоял – час, два? Три?

Вздрогнул, когда услышал голос отца. Нет, сначала хлопнула входная дверь, а потом отец выкрикнул:

– Лешка! Ты дома?

Он не ответил. Рот открыл, попытался отозваться, но голоса не было – вырвался хрип, клекотанье какое-то птичье.

Отец разделся и зашел в комнату:

– Ты что? Не слышишь?

Лагутин посмотрел на него, и тогда отец понял. Сел на стул, обхватил голову руками и завыл – страшно завыл, по-волчьи. Вот тут Лагутин и пришел в себя – бросился к отцу и закричал.

Они обнялись, два человека, тонущих в своем горе, не понимающих, как им жить дальше. Как вообще – жить?

Лагутин не понимал долго. А отец понял довольно быстро – всего-то через полгода женился на этой Полине.

В шестнадцать лет Лагутин остался один – ни матери, ни отца. Сирота. Да ничего, справился. Всему научился – точнее, жизнь научила. Но как же было тоскливо! И еще – страшно.

Как это вообще могло быть, по-прежнему недоумевал он. Еще вчера, ну хорошо, не вчера, а полгода назад, была семья. Семья из трех человек. А сейчас? Мамы нет. Да и отца, собственнo, нет. И он, Леша Лагутин, остался один на всем белом свете.

Он помнил, как не хотел, не желал слушать торопливые и неловкие оправдания отца: «Не могу один, не могу без женщины, не могу без мамы». Какой бред! А он, Лагутин, привык быть один? Привык сам себе стирать, готовить, молчать дни напролет – да просто потому, что не с кем было перемолвиться словом.

Как мог отец оставить его так быстро, не дав привыкнуть к тому, что нет мамы? Хотя разве можно к такому привыкнуть?

Оказалось, что можно. Правда, прошло лет десять, прежде чем он до конца осознал, что произошло. А привык ли? Вряд ли.

По прошествии времени отношения с отцом восстановились, и он – редко, совсем редко, раза два в год, на дни рождения отца и его новой жены, – даже приходил к нему домой. И во время этих встреч все никак не мог поверить, что это его отец клеит обои, шинкует на засолку капусту, бурно радуясь ее сочности, правит на даче жены забор. Бедная мама – она-то наивно считала, что он ничего не умеет.

А Полина эта Сергеевна молодец! Простая такая с виду, а как запрягла! Как перегнула через колено! Браво, бис! Все, что не удалось матери, удалось ей, этой скромной домохозяйке.

Впрочем, пусть живут как хотят. Какое ему дело?

А жили они, судя по всему, хорошо. Только недолго, увы. Через пять лет Полина Сергеевна, кровь с молоком, скоропостижно скончалась. Как же отец тогда убивался! Ей-богу, в сто раз сильнее, чем по первой жене. Лагутин тогда обалдел: нет, все понятно – жена. Но прожил он с ней гораздо меньше, чем с мамой! А с мамой вся молодость, общий ребенок. Не странно ли? Да все понятно – отцовский эгоизм. За себя испугался. Он снова остался один. Но кумушки на поминках шушукались: «Хороший этот Петр мужик! Найдет себе женщину, куда денется». На поминках Лагутину поскорее хотелось свалить – отец быстро напился и принялся плакать. Сына не отпускал и все причитал:

– Как жить теперь, Леша? Как жить?

Лагутин тогда не сдержался – неправ был, но нервы сдали:

– Да женишься, пап! У тебя ж это быстро!

Навсегда он запомнил взгляд отца после этих слов – тяжелый, мутный, злой. Чужой. Совсем чужой человек.

Коротко бросил:

– Не простил, значит!

И скоро отец объявился, вернулся домой как ни в чем не бывало – в квартиру жены Полины въехала ее дочь от первого брака. Вместе они не ужились, что и следовало ожидать. Кому он нужен, этот чужой дядька?

Лагутин тогда собирался жениться – влюбился, как в последний раз. Оказалось, и правда – так сильно в последний.

На четвертом курсе универа он встретил Дашу, свою будущую жену. Училась она в параллельной группе. Было странно, что легкомысленная на первый взгляд Даша смогла поступить на такой сложный, «мужской» факультет – вычислительной математики и кибернетики, знаменитый на весь мир ВМК. К тому же она была очень хорошенькой. Нет, девицы там, конечно,

учились – немного, человек пять. Но, как правило, – и почему, интересно? – были они скучные, слишком заумные и, мягко говоря, несимпатичные. Словно в подтверждение всем известной поговорки, что красота и ум несовместимы.

А тут эта Даша – тоненькая, длинноногая, с переливчатыми, блестящими, почти смоляными волосами, с модной короткой стрижкой «паж», или «Мирей Матье». К тому же светлоглазая, вот как бывает. Оказалось, все просто – осетинская кровь. У осетин часто бывает такая необычная красота – темные волосы, светлые глаза. Одногоруппницы ее ненавидели – зависть. А парни, конечно, млели.

Даша была очень живой, смешливой, кокетливой и загадочной. Приехала она из города Урюпинска. Лагутин тогда удивился – он был уверен, что городок этот вымышленный, имя нарицательное для обозначения глухой провинции и всего, что к этому прилагается. Городок этот, кстати, оказался древним, казачьим и стоящим на известной реке Хопер.

Как получилось, что красавица Даша обратила внимание на Алексея Лагутина? Чудеса, да и только. Он был сдержанным, молчаливым, довольно хмурым, совершенно некомпанейским парнем. Наверное, он тоже показался ей загадочным, этот Лагутин.

Все вились вокруг хорошенькой Даши, отпускали ей комплименты, подкладывали в сумку шоколадки, оставляли записочки с приглашением на свидания. А Лагутин был в стороне. Конечно, и ему она нравилась, да еще как. Но он был несмел и неопытен в отношениях с девушками, суров из-за рано выпавших испытаний, замкнут от одиночества и вообще имел кучу комплексов. К тому же у него совсем не было денег – ни в кафе с девушкой, ни в театр. Нет, он, конечно, подрабатывал, а как же. Разгружал вагоны на Рижском вокзале, позже занимался репетиторством – подтягивал по математике балбесов-школьников. Плюс стипендия. Но все равно было мало – хватало только на скромную жизнь. Его ровесники жили в семьях и не думали о хлебе насущном – получали от родителей «на карман» и были беззаботны, как и положено в этом прекрасном возрасте. Лагутин же на четвертом курсе писал курсовые за лоботрясов и три раза в неделю по ночам разгружал машины в булочной по соседству – таскал тяжелые деревянные поддоны с еще теплым, невозможно вкусно пахнущим хлебом. От помощи отца он отказался сразу. Брать у него деньги? Нет, никогда. Он искренне считал его предателем. Даже на памятник матери деньги не взял – объявил, что справится сам. Так и вышло – скопил. Памятник вышел неважный – невысокий, недорогого серого гранита, с бюджетным керамическим медальоном – смету урезали и экономили на всем. Лагутин мечтал, что, когда встанет на ноги, поставит такой, какой надо.

Закрутилось у них с Дашей случайно – на предновогодней вечеринке в квартире у одногоруппника. В большой, просторной и богатой квартире собралась почти вся группа, за исключением самых некрасивых девиц-ботаничек. Кому они нужны, да и зачем? На журнальном столике в гостиной в изобилии стояли заграничные пузатые бутылки с шотландским виски, французским коньяком и итальянским вином. По-студенчески были нарезаны сыр и колбаса, правда, тоже не простые, а заграничные – узенькие палочки перченой салями, камамбер с плотной, словно картонной, корочкой, издающий неаппетитный запах и нежнейший, словно сметана, на вкус. Хозяин квартиры небрежно бросил:

– Да предки привезли из Финляндии.

Конечно, было плотно накурено – хоть вешай топор. Свет был притушен, и сцепившиеся в танце парочки бестолково и забавно, словно нанайские мальчики, толкались на пяточке в середине комнаты.

Гостеприимный хозяин обхаживал Дашу и не думал этого скрывать. Утощал сигаретами с ментолом, немислимым шоколадом с миндальными орехами и зазывал в свою комнату – продемонстрировать диски.

Даша мотала головой и отсмеивалась – было видно, что этот дешевый понтыричик смертельно ей надоел.

Лагутин курил на кухне и смотрел в окно. Он почти не пил – просто не любил, и всё, это у него от отца – и думал, как поскорее свалить. Надоел выпендрож этот кошмарный, разговоры про джинсы и диски, музыка, страстный шепот, душные запахи крепкого молодого пота от возбуждения, цветочных, душных духов и, конечно, спиртного. Ему было скучно. Даша подошла к нему сзади и тихо сказала в спину:

– Леш, как же мне надоело! Может, уйдем?

Он вздрогнул, обернулся, увидел ее синие бездонные глаза и смущенно забормотал:

– Да-да, конечно.

Он помнил, как у него дрожали руки. Они быстро оделись и незаметно выскочили за дверь.

На улице было чудесно – свежо, морозно, бело, а еще торжественно и тихо. Преддверие Нового года. По тихой улице медленно – гололед – скользили машины.

Даша взяла его за руку, и, ничего не обсуждая, они молча пошли вперед. А руки по-прежнему предательски дрожали, и он страшно боялся, что она это может заметить.

Наконец Даша объявила, что страшно замерзла и ей очень хочется горячего чая.

– Где? – растерянно пробормотал Лагутин. – Где же найти сейчас этот дурацкий чай? Все же закрыто!

– Не все! – улыбнулась она. – А вокзалы?

Он смутился: болван, недотепа, не сообразил. Недалеко был Белорусский, и они дошли до него минут за двадцать. Там и вправду работали какие-то прилавки, где продавали чай, бутерброды и булочки.

Они сели за столик и поняли, что страшно голодны. Ели чуть подсохшие булочки с изюмом, которые казались им восхитительными, и пили горячий, сладкий, некрепкий чай. И снова молчали. Как хорошо им было молчать!

На вокзале они проторчали почти до трех ночи, а когда спохватились, метро уже было закрыто, а на такси денег не было.

Они пошли в зал ожиданий. Совсем скоро Дашу сморило, и она, положив голову Лагутину на плечо, быстро уснула. А он сидел ошарашенный и совершенно счастливый – сидел прямо, с напряженной и затекшей спиной, боясь пошевелиться, чтобы, не дай бог, не потревожить ее крепкий сон. В те минуты, счастливейшие, надо сказать минуты, ему показалось, что вот теперь, с этого дня, он не один на этом неласковом свете – у него есть она.

Встречались они полгода, а потом поженились. Лагутин никак не мог поверить в свое неожиданное счастье – эта прекрасная девушка с ним? Ничего в нем особенного, ничего, а вот как случилось.

Любил он ее до дрожи, до обморока – абсолютное солнечное или лунное затмение. Расставание на пару часов воспринимал как катастрофу вселенского масштаба.

Он так торопился к Даше, как родитель к больному ребенку. Не замечал вокруг никого – какие женщины, о чем вы? Женщин никаких по этой земле не ходило – была одна она, его молодая жена. Все остальные – призраки, миражи, он их не видел.

Свадьбу сыграли не самую скромную. Как Лагутин ни сопротивлялся, будущий тесть настоял на дорогом ресторане. Правда, и расходы взял на себя, что тоже естественно для кавказского человека. Из Владикавказа съехалась родня – человек сорок, не меньше. Даша смеялась:

– Лешка, разве у нас есть выбор? Смирись – просто смирись, выхода нет.

Свадьбу пережили. Отца и Полину он, разумеется, пригласил. Но ушли они быстро – у Полины подскочило давление.

А Лагутин только выдохнул, когда они стали прощаться: ну и слава богу. Видеть их вместе по-прежнему было больно. На месте этой чужой женщины должна была быть его мама.

Всю ночь разбирали подарки и смеялись. Особенно веселилась его молодая жена, вытаскивая очередную золотую купеческую цепочку или колечко:

– Что делать? У них принято дарить золото и украшения. Эх, жаль, что такие дурацкие.

Ничего, справились и с «дурацкими»: через месяц оттащили в ломбард и загуляли – рванули в Ригу. Сняли комнатку в Старом городе, под крышей, крошечную, с окном под самым потолком. В открытую форточку проникал запах угля – им еще кое-где отапливались старые дома.

Бродили по городу, слушали в Домском орган, шатались по пустым пляжам Юрмалы, пытаясь найти янтарь. У Даши просто была идея фикс – найти янтарь и сделать кольцо. Янтаря не нашли, а кольцо он ей купил – потихоньку от нее, отправившись в магазин за колбасой и хлебом на ужин. Тоненькое серебряное колечко с прозрачной солнечной каплей. Как она радовалась, господи – просто до слез.

И вот чудеса – она не сняла это колечко, даже когда все закончилось, когда они развелись, когда у нее началась другая жизнь. Не сняла и там, в Барселоне, куда уехала с новым испанским мужем. Лагутин удивлялся: ничего в этом колечке не было примечательного, абсолютно. Он специально разглядывал фотографии из Барселоны – пристально, под лупой. Да, колечко, скромное, с дешевым янтарем, ценой в восемь советских рублей, было на месте. Рядом с новыми, из новой жизни – с крупным ярким изумрудом, довольно большим и чистым бриллиантом.

На последнем курсе, перед дипломом, они ждали дочь. Она родилась в аккурат после защиты. Было нелегко – Настенька, названная в честь Лешинной мамы, росла беспокойной, крикливой, болезненной. Помогала теща – спасибо большое – приехала из Урюпинска. Первое лето проторчали в Москве, а на второе годовалую Настю увезли к родне деда во Владикавказ.

В то лето они почувствовали себя молодоженами – свобода! Это было хорошее лето, очень хорошее, нежное и – последнее.

Почему так случилось? Лагутин отказывался понять. В голове не укладывалось, потому что ничего логичного в этом не было. Ну да, поругивались – так, по ерунде, по мелочам, ничего особенного. Уставали, раздражались, правда нечасто. Но в целом неплохо ведь жили?

Даша объясняла все просто:

– Я влюбилась, прости. Нет, тебя я любила. И даже люблю! Но, Леша, это была другая любовь, понимаешь? Другая! Юношеская, что ли, детская... Первая. Так часто бывает.

Он не понимал, как ни старался.

– Послушай, – взывал он. – Нет, ты просто мне объясни. Ты говоришь, что любила меня. Пусть это, как ты говоришь, другая любовь, не взрослая. Но любила же? Тогда как это так – любить одного и одновременно влюбиться в другого?

Лагутину, максималисту, человеку до глупости прямому, предельно честному, доходящему в своем максимализме до крайностей, было это совсем непонятно. Как так? Он, любя ее, вообще никого не видел вокруг. Даша плакала и ничего не могла объяснить. Только шептала:

– Не мучай меня, умоляю – не мучай!

И ему, дураку, наивному дураку, становилось Дашу страшно жалко – он страдал от того, что страдает она. Выходит, что она мучается, чувствует себя виноватой. Сомневается. Или нет, уже все решила? Он втайне надеялся – а вдруг? Вдруг это пройдет – бывает же так? Она опомнится, придет в себя, и все будет по-прежнему. Он не думал о прощении – вообще не думал. Ему было важно одно: чтобы жена и дочь остались с ним, чтобы как раньше и как прежде – все вместе.

Он не спрашивал ее о том человеке – боялся. Боялся услышать, что он хорош. Боялся сравнить с собой. Будучи уверенным, что он, *тот*, конечно же, окажется лучше – иначе Даша не ушла бы от него. Но вскоре Лагутин все, конечно, узнал: новый возлюбленный его жены оказался испанцем. Ничего себе, а? Зрелый мужчина под сорок, не чета ему, пацану. Хорош

он был, этот амиго, что уж там. Хорош, высок, широкоплеч. Улыбчив. Просто сплошной Голливуд: с улыбкой на сорок два зуба, загорелый и мускулистый – понятно, климат, море, страна. Возраст шел ему, тоже понятно. Даша смотрела на него с обожанием – Лагутин это видел. Взрослый красивый мужик из другого мира, с другой планеты. А кто б устоял?

До самого развода она не уходила – говорила, что возвращаться некуда, с родителями она разругалась. Они и вправду с ней не общались долго, лет пять. Первой в Барселону поехала бывшая теща – не выдержала разлуки с внучкой. А отец так и не съездил к своему новому зятю. И дочь не простил – опозорила.

Лагутин все годы после развода с родителями жены общался – звонил, заезжал. Они по-прежнему считали его родным человеком, сыном, и он это ценил.

С бывшей женой отношения были вполне достойные, и их связь не оборвалась – Даша часто писала ему, присылала фотографии дочки, рассказывала обо всем подробно, не упуская мелочей, интересных ему: как Настенька ходит в садик, как пошла в школу, что любит есть, какие ей нравятся книжки. Он и высылал ей эти русские книжки – сказки, былины, стихи, – боялся, что дочь забудет русский язык.

Он знал подробности про дочку, но не видел ее. Проситься в гости было неловко, а Даша находила вечные причины и отговорки, чтобы не приезжать. Скорее всего, боялась отцовского гнева. Приехала она лишь однажды, с Настей, на похороны своего отца. Но Лагутин в то время был на Кубе в командировке. Такая вот неудача.

Тоска по Даше и Насте в какой-то момент сделалась невыносимой.

Невыносимо было в этой квартире – сначала ушла мама, потом уехали его девочки. Невы-но-си-мо. И к тому же туда вернулся отец, от которого Алексей давно отвык.

К этому моменту он отца не то чтобы простил, нет, но почти смирился с его поступком. И все же жить с ним было сплошным кошмаром – Лагутин с трудом мог представить, что этот малознакомый человек, громко кашляющий и невыносимо топающий по коридору, его отец. Тот самый отец, которого он когда-то любил.

Странно и непривычно было все – встречаться с ним по утрам перед работой. Он по привычке вставал рано, и в голову ему не приходило, что надо чуть-чуть переждать, обождать, пока сын соберется на работу, просто чтобы не мешать, не болтаться под ногами, не занимать ванную, туалет, не толкаться на маленькой кухне.

Лагутин раздражался и злился.

И встречаться вечером, после работы, тоже было кошмаром, ноги домой не несли. Отец, кажется, радовался его приходу и тут же бросался на кухню, чтобы что-нибудь приготовить.

Лагутину было смешно – какая забота! Забота, в которой он давно не нуждался. А где был отец, когда ему, шестнадцатилетнему, почти ребенку, было так плохо?

И эти дурацкие хлопоты с ужинами раздражали ужасно – Лагутин давно привык ужинать по-холостяцки, полуфабрикатами из кулинарии. Да и в прежней жизни было примерно так – Даша готовить не любила.

А отец неловко пытался поджарить картошку, и брызги разлетались по кухне, на стены, плиту, пол, или курицу – та же история. Все плавало в жиру, пригорало, выкипало и невыносимо воняло.

Лагутин терпеливо объяснял, что ему это не нужно. Отец обижался, уходил в свою комнату, громко при этом хлопнув дверью.

На кухне было грязно. В ванной и в туалете тоже. Лагутин был аккуратистом – мама приучила с самого детства.

Отец же всегда был неряшлив. Пару раз взялся гладить лагутинские рубашки – сжег воротники. Запарывал стрелки на брюках. Лагутин умолял его не прикасаться к его вещам –

пустое. Тот словно не слышал его. Видимо, считал, что наверстывает упущенное и проявляет отцовские чувства.

Лагутин стал задерживаться на работе. Но не ночевать же там, в конце концов! Да и привыкать надо было, куда деваться? Жить им предстояло вместе – другого выхода не было. Еще Лешу бесило и обижало, что каждую неделю – каждую! – отец ездил на кладбище к Полине, а к маме – раз в год, не чаще. Не простил ему Лагутин маму, так и не простил.

По Полине отец тосковал страшно и не скрывал этого – рассматривал ее фотографии, хлюпал носом, утирал слезы и приговаривал, что страшно осиротел. Лагутин смотрел на него и удивлялся – вот как бывает.

Когда появилась возможность уехать в Академгородок под Новосибирском, он вцепился в нее зубами – не дай бог, не срастется! Но срослось, повезло, и он уехал в новую жизнь. Сбежать, сбежать. Сбежать из этого шумного города, от тоски по маме, от боли и тоски по дочке и бывшей жене. От отца, превратившего его жизнь если не почти в ад, то, во всяком случае, в большую неприятность.

Отец растерялся и очень расстроился:

– Как же так, Алексей? Как я останусь один? Как смогу жить без тебя? А если вдруг что-то случится? Я ведь немолод, Алеша, и у меня никого нет! Некому позвонить. Если бы Полечка меня не оставила, если бы Полечка была жива!

– Выживешь! – резко ответил Лагутин. И не сдержался: – Я тогда тоже остался один, после маминой смерти. Ты думал об этом? О моем одиночестве, например? И ничего, я пережил! А ты... Ты даже год не смог обождать, – с горечью бросил он и вышел из комнаты.

И все-таки сердце сжалось. Но он взял себя в руки. Понимал – если останется, будет все только хуже и хуже. Их уже не переделать.

Конечно, деньги все эти годы он высылал. А когда отец занемог, тут же нашлась помощница – женщина из Украины. Отец воспрял, воскрес, ожил и был ею очень доволен. Без конца повторял: «Ниночка, Ниночка! Ниночка расчудесная, милая такая, расторопная! И все у нее выходит ловко! Ах, какие моя Ниночка варит борщи!»

Лагутин не удержался: «Что, лучше Полины?»

В общем, за отца он был спокоен. Ниночка эта иногда брала трубку и отчитывалась:

– Алексей Петрович, у нас все хорошо! Петр Алексеевич хорошо ест, гуляет во дворе, я, конечно, вместе с ним. Делаю ему витаминные уколы – врач прописал, конечно. Откуда умею? Да я за мамой ухаживала – она у меня двенадцать лет не вставала.

Ну и отлично. Отлично все складывалось – Ниночка эта и хозяйка, и почти медработник. Если что, сразу окажет помощь. Нет, определенно им повезло с этой Ниной! Только бы не ушла – со стариками непросто. Но Ниночка, кажется, была всем довольна – с отцом справлялась, общий язык был найден. Отец был счастлив, что в доме живой человек, уход ему был обеспечен.

Словом, Лагутин был спокоен. И совесть его была чиста.

В Городке все сложилось. Он и сам не ожидал, если честно. Побег его был вынужденным, жизнь *до* была невыносима. Он думал – ну вот, года два-три, пока поднимает свою тему, поживет здесь, а там наверняка придется вернуться, наверняка. Ну что ж, небольшая передышка ему необходима.

Но вышло совсем не так – с темой он закончил через три года, но началась новая работа, еще интереснее прежней. Увлечен он был очень – в Москве этого бы никогда не случилось, он это понимал. Да и Соболевский математический институт – это, знаете ли, имя.

Местная публика, коллеги его восхищали – не даром ведь город ученых. Нет, конечно, и здесь встречались зависть, подхалимаж, подсиживание. Но, как ему казалось, не в такой степени точно. Все-таки люди здесь были другими.

Первый год он жил в общежитии, правда, в отдельной комнате, удобства там же. А через два с половиной года ему дали квартиру.

Окна его однокомнатной берлоги, как он ее называл, выходили на лес – нет, даже не так: в окна третьего этажа стучали по ночам ветки елей, а на балконные перила присаживалась рыжая белка. Лагутину казалось, что она его узнавала.

В Городке было тихо, дышалось легко и свободно.

Он кое-как обставил квартиру – купил диван, кто-то из соседей отдал ему письменный стол, кто-то – кухонный буфет. Лагутин был почти счастлив – здесь ничего не напоминало ему о его прежней жизни.

Иногда ездил в город – так у них говорилось, всего-то за двадцать километров. Но можно было и обойтись – в Городок часто приезжали столичные артисты и привозили прекрасные фильмы. Знаменитый клуб «Под интегралом» и не менее знаменитое кафе «Эврика» были любимыми местами сбора молодежи.

На Новый год собирались компаниями – иногда в клубе, иногда по домам. У него появились приятели – две семейные пары физиков из Питера и холостяк из Ижевска Димка Бобров, биохимик.

На выходные ездили на Обское море, рыбачить или загорать. Иногда забирались на острова, Дикий или Атамановский, там можно было ухватить и редкую ныне нельму и даже муксуна, чира или стерлядь. Но это бывало нечасто – в основном брали щуку, судака и чебака. Этого добра было навалом.

По вечерам, на выходные, часто расписывали пулечку. Ходили в баню, под местную вяленую рыбку и пиво. Сибиряки часто лепили пельмени, привлекая для этого грандиозного дела соседей. Участвовал в этом и Лагутин.

Конечно, у него появилась женщина – лаборантка Тамара, из местных, из старожилов. Молчаливая, спокойная и сдержанная. Не девочка – тогда ей было за тридцать.

Нет, он не влюбился в нее, но понимал – в жизни мужчины должна быть женщина, иначе какая-то ненормальность, патология, нонсенс. Тамара не обременяла его – по негласному договору приходила вечером в пятницу, так уж сложилось. Утром спешила домой, к сыну, в город. И надо сказать, Лагутин был счастлив, когда за ней закрывалась входная дверь.

Ни разу он не подумал, что ему стоит обзавестись семьей в полном смысле этого слова. Бирюк. С бытом он справлялся, да и какой у него быт? Ерунда, он привык. Как привык и к холостяцкому образу жизни – который, кстати, его очень устраивал. Более того – он его любил. Полюбил свою свободу, тишину и покой. Да, покой. С годами он стал уверен – семейная жизнь определенно не для него. Его жизнь – наука, его работа, лаборатория, банные посиделки и нечастые встречи с новообретенными друзьями, точнее приятелями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.